

ИГОРЬ ЩЕПЁТКИН

ТЁМНАЯ
КОМНАТА,
Рыжий
Чемодан

Рассказы





Игорь Щепёткин

ТЁМНАЯ
КОМНАТА,
Рыжий
Чемодан

Иллюстратор Лилия Гойзман



БОСТОН • 2024 • BOSTON

ИГОРЬ ЩЕПЁТКИН

Тёмная комната, рыжий чемодан. *Рассказы*

Редакторы: Галина Донина, Вера Марышева

Корректор: Юлия Тимошенко

IGOR SHCHEPETKIN

Dark Room, Ginger-Colored Suitcase. *Short stories*

Edited by Galina Donina and Vera Marysheva

Proofreading by Yulia Timoshenko

Copyright © 2023 by Igor Shchepetkin

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the prior written permission of the Author and/or Publisher.

ISBN 978-1-960533210

Library of Congress Control Number: 2023951733

Художник: Лилия Гойзман © 2023

Design and illustrations by Lilia Goyzman © 2023

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Printed in the United States of America

*Хорошо придумывать то, что было,
но невозможно сочинить то, чего не было.*

Андрей Битов

СОДЕРЖАНИЕ

По северной ветке	9
Под куполом Римана	21
Тёмная комната, рыжий чемодан	33
Второе спасение	43
Секреты Виктории.	65
Последнее бабье лето	81
Пророческие сны Петровых	89
Прогулка в квадрате Z	101
Клуб «Черёмушки».	109
Старый «форд», новая жилища.	133
Золотая пыль	143

ПО СЕВЕРНОЙ ВЕТКЕ

*...Поезд идёт...
Северная ветка,
ветка акации или,
скажем, сирени...
Саша Соколов*

Иногда в разговорах можно слышать, что поезд идёт по кругу — при переосмыслении чего-то важного, или в московской подземке, или, наконец, в детских забавах, где игрушечный паровозик с маленькими вагончиками следует по кольцевой дороге.

В моей юности поезд уходил на север, потом шёл обратно. Но люди, которые возвращались, были уже другими...

В конце августа мы с отцом собирали ягоду. В тот день я впервые очутился в сибирской тайге. До ближайшего населённого пункта — не менее сорока километров. Путь сюда оказался долгим.

Остаток вечера и всю ночь мы ехали в поезде по северной ветке. Вагон был набит сборщиками ягод с огромными заплечными коробами — горбовиками.

В тесноте вагона отец помог мне протиснуться на верхнюю полку, где я, прикрыв лицо штормовкой и подтянув к подбородку колени, вскорости уснул.

В пять утра отец растолкал меня и сказал на ухо: «Быстро собирайся! Подъезжаем!» Я протёр очки, спустился с полки и спросонья еле отыскал сапоги. За окном было ещё темно. Колёса привычно постукивали на стыках.

Неожиданно кто-то сорвал стоп-кран, и поезд резко остановился. Ягодники были готовы к такому ходу событий, миг засуетились и ринулись к выходу. Словно парашютисты, они, выпуская из рук поручни, прыгали с подножки вагона в темноту таёжного утра. За минуту все вывалились на простор.



Большинство из них пошли вдоль железнодорожной насыпи к сигнальным фонарям шлагбаума — видимо, там проходила основная дорога до лесосеки.

— А у нас своё место, — сказал отец и махнул рукой через левое плечо.

Мы пересекли полотно и по едва заметной в сумерках тропе углубились в лес. Я брёл позади, то и дело натываясь на алюминиевый короб отца.

Начало светать, когда тропа свернула в низину.

На повороте отец остановился, подошёл к одинокой сосне и стал считать шаги.

— Кажется, здесь! — крикнул он.

Мы разбросали ветки и вытащили из травы лёгкие штанги. Это были две пары небольших алюминиевых колёс



с ребордой. Они свободно вращались на хорошо промасленных подшипниках, насаженных на длинные металлические трубки.

Через четверть часа мы вышли к узкоколейке, по которой когда-то вывозили срубленный лес. В куче мусора рядом с дорогой отыскали несколько досок. Сколотили платформу и прибили к ней штанги — ходовую часть. Поставив эту мини-дрезину на рельсы, взгромоздились на неё со своим скарбом. Чтобы не поранить руки, надели верхонки и принялись отталкиваться шестами от насыпи и шпал. Потихоньку набирали скорость. Стук колёс стал чаще: «Чикача-та, чикача-та... чика-та, чика-та... чи-та, чи-та, чи-та...» Из-за неровности полотна дрезина слегка покачивалась. Мы словно плыли на плоту с шестами наперевес.

— Виссарионов бор! — громко сказал отец. Ветер разведал его поседевшие волосы, торчащие из-под смешной лыжной шапочки.

Я глазел по сторонам. Густой мачтовый лес чередовался со сплошными вырубками. Будто в унисон ландшафту, рельсы тоже теряли свою непрерывность. Порой стыки были сравнимы с диаметром колёс, и тогда мы неизбежно терпели крушение. К счастью, обходилось без травм. Иногда нашу дрезину приходилось на руках проносить вперёд, потому что в некоторых местах рельсы отсутствовали совсем.

Так мы проехали по узкоколейке не менее тридцати километров. Внезапно дорога оборвалась — рельсов больше не было. Сквозь остатки насыпи пробивалась молодая поросль. Мы отнесли дрезину в сторону и забросали мхом.

Дальше по компасу на северо-восток пошли пешком вдоль болота.

Через час на моховых подушках стали попадаться кустики брусники. Я наклонился, рассмотрел рисунок листьев этих удивительных ягод. Кожица на них была блестящей и усыпанной дырочками с исподней стороны.

Отец отёр рукавом штормовки пот с лица и провозгласил: — Перекур!

Мы присели на упавшую лесину. Вытащили из коробов огурцы, варёные яйца, хлеб, воду. Быстро позавтракали.

— Ну ладно, хватит прохлаждаться. Пора за работу! — скормандовал отец.

Он показал, как пользоваться совком. Потом, подтянув наплечный ремень, двинулся к сосновому валежнику.

Ближе к полудню я набрёл на узкую прогалину, сплошь усыпанную брусничником. Сбросил с плеч короб и налегке увлёкся сбором — на этот раз уже усердно, не отрывая взгляда от ягод. Одну куртинку примечал, другую обирал, повторяя совком одно и то же движение...

Через пару часов вышел на край поляны, где у вывернутого корня неожиданно обнаружил большой моток проржавевшей колючей проволоки. В трёх метрах росла огромная сосна. На ней был старый затёс, несколько вырезанных цифр и буквы «ТАЛ».

- А это с какого рожна тут? — поинтересовался я, указывая на витки проволоки.
 — Видать, хотели сделать лагерь.
 — Какой лагерь?



— Для заключённых, — сквозь зубы процедил отец и, глядя угрюмо вдаль, промолвил: — Кто-то здесь оказался, на лесоповале. Срубленный лес вывозили по узкоколейке на конной тяге... В тридцатые годы хватали всех подряд...

— А почему?..

Отец не ответил, он уже отвернулся и, хрустя валежником, направился к ближайшему ельнику.

Я внимательно огляделся. Вокруг были только моховые кочки. Пнул одну, вторую... Носок сапога проваливался в труху сгнивших пней. В этом обнажённом прахе копошились муравьи...

К вечеру начал накрапывать дождь. Мы подошли к ручью, за ним возвышался небольшой бугор — отличное место для ночлега. Под раскидистой елью соорудили шалаш, набросали на пол лапник. Открыли пару банок рыбных консервов «Частик». Отец вытащил фляжку со спиртом, отмерил несколько колпачков в свой стакан и, не разводя водой, выпил одним махом. Через минуту повеселел и стал рассказывать, как работал в юности киномехаником, возил на лошадях по

деревням кино. Однажды киноплёнка порвалась на кадрах хроники с речью Сталина.

— Чуть в штаны не наложил, пока плёнку склеивал, — сквозь смех произнёс отец.

Потом он вспомнил, как прошлым летом был с братом в тайге. Собирали ягоду в районе Медвежьего мыса и потеряли обратную дорогу. Блуждали три дня. Питались одной ягодой, пока не вышли к реке. Встал вопрос о поиске моторной лодки, на которой приплыли. Как они поняли, в каком направлении искать, я уже не слышал — уснул под шум моросящего дождя.

Утром проснулся от глухариного тока. Выкарабкался из шалаша. Натянул сапоги. Отца на стоянке не было. Его согбенная фигура виднелась на другой стороне мочажины — он собирал ягоду. А я побежал на болото искать место, откуда доносилось токование. Протёр запотевшие очки и увидел посреди топи на одинокой сушине большую птицу — глухаря...

К обеду я набрал половину короба. У отца короб был почти полный. Нам следовало возвращаться, чтобы успеть к отходу поезда. А до станции ещё ого-го как далеко!

На обратном пути проехали по узкоколейке на несколько километров больше — так было ближе к станции. Разобрали дрезину, кинули колёса под корягу и прикрыли корой — пригодятся, когда в сентябре пойдём за клюквой.

Мне захотелось снова приехать в тайгу, пройти по зыбуну болота и, расправив болотные сапоги, упасть на колени в мягкий сфагновый покров...

Когда подошёл поезд, было уже темно. Залязгали тормоза. Сбивая друг друга, люди с тяжёлыми коробами бросились к вагонам. Отец подтолкнул меня к ближайшему входу. Я вцепился в поручни, вскочил на подножку первым, за мной, вытянув жилистую шею, с трудом поднялся отец.

Через минуту вагон загудел мужскими голосами, до отказа наполнился людьми. Некоторые так и остались стоять в тамбуре. Я присел на краешек нижней полки, скрестил на крышке горбовика руки, положил на них голову и уснул.

Под утро за окном замелькали городские улицы. Поезд остановился. Мы вышли на перрон.

От вокзала до дома было близко: сначала с полкилометра через привокзальный микрорайон, потом — минут десять вдоль железнодорожного полотна.

Мы шли мимо панельных пятиэтажек. У одного из подъездов двое пьяных парней вели шумный разговор, похлопывали друг друга по плечу. Отец бросил в их сторону какую-то незлобную шутку. Им это не понравилось, один из них подбежал и нанёс мне удар в грудь. Я потерял равновесие, упал и от неожиданности, обессилев, не мог подняться. Другой парень стоял в луже пива и размахивал руками, не давая отцу подойти ко мне. Первый продолжал наносить удары ногой, метя в голову. Я закрыл лицо и очки руками, принял позу улитки. Почти все удары приходились в предплечья.



— Мальчонку-то зачем?! — закричал отец чужим хриплым голосом.

Страх, как омут, тянул вниз, да ещё за плечами был короб с ягодой.

Наконец парни ушли. Отец помог мне встать, и я увидел свет. Дальше мы двинулись вдоль рельсовых путей по пропитанным креозотом шпалам. Я брёл молча, тихо посапывая, и не чувствовал боли в онемевших конечностях. Трясущими руками придерживал очки — их дужки были погнуты.

Вскоре мы вышли к нашему микрорайону Опытное поле. Надпись на крайней пятиэтажке насмешливо гласила: «ул. Ягодная, д. 1». Холодный ветер налетал порывами и срывал с тополей первые пожухлые листья. А ведь до нашего отъезда в тайгу они были ещё зелёными.

Я шёл по улице за отцом. Он попросил не говорить маме о том, что случилось. Я промолчал. Вспоминал, как мы ходили по рыжим торфяникам и мелколесью, собирали ягоду. Из тайги она переключевала теперь в наши заплечные короба. Ягода была красная и, наверное, уже дала сок.

...Наутро я пробудился от глубокого сна.

Мама предложила отнести банку брусники Илье — моему другу и соседу по подъезду. Изредка мы вместе играли в шахматы.

Я спустился на один этаж и за чашкой чая рассказал Илье о находке в тайге. Он задумался, потом пообещал провести меня в оранжерею, где время от времени проходят заседания культурологического клуба.

— В оранжерее? — удивился я. — Оригинально!

— Богдан там сторожем подрабатывает. Вообще-то он социолог в университете.

В назначенное время мы поторопились в оранжерею. Ещё бы! Теплицы говорили о детстве, о первом визите в ботанический сад. Где-то в семейном альбоме даже есть фото с той экскурсии: корни тропических деревьев ползут навстречу друг другу, лиана обвивает стволы, а под пальмой — карапуз, то есть я.

С нетерпением и волнением я шёл туда. Мнилось, что этот визит принесёт понимание чего-то важного: словно мне, а не Вере Павловне приснился тот сон — якобы только в оранжерее можно вырастить такие колосья.

В теплице, куда мы пришли, выращивали цветы. В ожидании семинара двое молодых людей прохаживались вдоль грядок: слева росли астры, справа — лилии.

— Лист хорош, и цветок хорош. Женщины будут счастливы. Всё будет хорошо, — промолвил один из них по имени Василий.

Я не мог понять, сказал он это серьёзно или с оттенком насмешки.

Рядом с пустыми горшками из-под рассады стоял Богдан. В руках он держал тетрадь с конспектами — готовился к выступлению. Подошло ещё человек шесть...

Совершенно не помню, что обсуждали на том заседании. Было жарко и нестерпимо душно, и от этого появилось желание поскорее уйти.

Зимой я ещё пару раз посетил семинары клуба. Там впервые узнал про Солженицына и Шаламова, но литературу на руки не дали — присматривались. Об истории строительства северной ветки и лагеря заключённых никто толком не знал, больше говорили о высокой материи.

Наступила весна високосного 1980 года. В марте бывшая жена Василия написала донос, выдала его круг знакомств, перечень зарубежной и самиздатовской литературы. В оранжерее провели обыск, книги и фотокопии были изъяты. Обыски прошли и в квартирах. Местный КГБ завёл «тепличное дело». Богдана и Василия уволили с работы. Илья передал, что мне лучше на время покинуть город.

...Я вспомнил, что давно не навещал деда в деревне.

Ехать в деревню надо было по той же северной ветке.

Я сошёл на знакомом полустанке — деревянная платформа, будка для кассы. Махая флажком, одинокий стрелочник в ярком жилете шагал вдоль железнодорожного полотна. Миновав зону отчуждения, я свернул на просёлочную дорогу.

Весна была ранняя. Снег растаял на открытых местах, лишь кое-где в ложбинах и в тени деревьев виднелись покрытые хвоей и прелыми листьями тёмные сугробы. Дорогу изрезали глубокие колеи, полные талой воды. Попуток не было, ну и ладно. Я шёл не торопясь, вспоминал места, которые так запомнились с детства. Вот на этом повороте дед надломил стебель борщевика, содрал с него кожицу, дал мне попробовать, потом лукаво промолвил: «Были бы борщевик да сныть, а живы будем». А за этим бугром шли по обочине, иногда углублялись в лес — проверяли грибы. Вот поворот

в соседнюю деревню Малиновку... Дальше — полуразвалившийся мостик. Правый берег реки густо зарос тальником. Здесь сельские ребята ловили хариусов...

В прошлый мой приезд дед всю дорогу покашливал, без всякого повода говорил: «Эх, внучок, внучок...»

Два года я не видел деда. Каким он стал сейчас?

Дорога, вся в рытвинах и ухабах, подходила к выселкам. Вскоре показался пруд. За ним торчала старая силосная башня. Её чёрный силуэт отражался в холодной воде. Я застыл, с улыбкой вспомнил, что моя первая рыбалка была на этом месте. Дед тогда сделал из тальника удилища, и мы пошли рыбачить на заросший камышами мысок. Я долго следил за поплавком из пробки, который ветром то и дело сносило к кустам. Неожиданно поплавок скрылся под водой, леска резко натянулась. Я дёрнул удочку и вытащил на берег карася. Дед заметил мой улов, подошёл и буркнул, что пора возвращаться. И всю дорогу обратно канючил, чтобы я сказал бабе Жене, что это он поймал рыбу...

Ещё в детстве я узнал историю деда. Во время войны он, весь исхудавший, вернулся домой. Жизнь в городе была голодная, и он уехал отъедаться в деревню, на север. Жил в семье Женьки — двоюродной сестры своей жены, моей бабушки. Муж бабы Жени не вернулся с финской войны. С тех пор дед стал жить на две семьи, а после смерти моей бабушки насовсем переехал в деревню...

Вот и знакомый взгорок, на нём — изба с покосившимися ставнями. Свернув на еле приметную тропку, я вышел к надворным постройкам. Угрожающе зашипел гусь, залаял пёс... Сырая земля у сарая была заляпана птичьим помётом. На крыльце лежал окровавленный топор. С силой толкнув плечом дверь, я ввалился в тёплую избу.

Дед сидел у окна, любясь букетом из веточек распустившейся вербы. Завидев меня, от удивления высоко вскинул брови, вскочил и крикнул за печку:

— Женька, ставь самовар! Внук приехал!

Я прошёл вперёд и увидел в углу избы на маленькой скамеечке бабу Женю. Она ощипывала курицу.

— Боже ж мой! Егор! — разом выдохнула баба Жена.

Всплеснув руками, забегала по избе, засуетилась. Из беззубого рта хаотично вылетали звуки. «Вырос-то как!» — с трудом уловил я фразу из невнятной речи.

Я улыбнулся и достал из рюкзака банку брусники — всё, что осталось от прошлогоднего сбора.

После ужина мне постелили на топчане, и я утонул в перине. Над постелью — гобелен с изображением пятнистых оленей возле озера. На стене напротив веером висел хвост глухаря. Я долго смотрел на этот дедов охотничий трофей, вспоминал события последнего года...

Неделю я жил в почти обезлюдившей деревне. Половина из двух десятков домов нежилые. На единственной улице тихо и сонно. Лишь однажды увидел старика с палочкой — говорили, что в молодости он повредил ногу на лесоповале.

По утрам я подолгу лежал на топчане и мечтал на манер Обломова. В доме, кроме листков отрывного календаря, читать было нечего. Я заскучал и на седьмой день под вечер сообщил, что завтра поеду в город.

Дед погрустнел. Потом попросил помочь сделать масло и, отирая платком лысину, с расстановкой, вполголоса промолвил:

— Отвезёшь матери гостинец... Совсем стала забывать...
Ждал на Паску...

Баба Женя достала из подполья сливки. Я принялся взбивать их в деревянной маслобойке — узкой кадушке, стянутой двумя стальными обручами. Сидя на низком табурете, монотонно и бесчисленно повторял одно и то же движение: поднимал точёную ручку и быстро погружал её в упругие сливки. Порядком утомился, когда наконец почувствовал, что ручка маслобойки стала упираться во что-то твёрдое. Открыв крышку, я увидел бесформенный солнечный кусок масла.

Подошла баба Женя. Раздались аханья и звуки одобрения. Я был счастлив!

Следующим утром дед провожал меня возле околицы. Он тяжело кашлял. Из его воспалённых глаз по заросшей щетиной щеке сами собой текли слёзы.

Всю дорогу до просёлка я часто оборачивался, махал деду рукой, пока мог различать его одинокую фигуру.

Поезд прибыл в город поздним вечером. Выйдя на перрон, я пересёк площадь и бесстрашно зашагал через пустынные дворы привокзального микрорайона.

Под козырьком одного из подъездов стояли два парня. Я машинально кивнул им. Пройдя через двор, свернул к железнодорожному полотну и дальше пошёл по шпалам. В заплечном мешке я горделиво нёс ветку вербы.

Красные огни семафоров мигали в отдалении. В тупике замер ржавый вагон. Прозвучал протяжный гудок локомотива. На повороте заскрипели рельсы. Они прошли закалку в литейных цехах ушедшей эпохи.



Под куполом Римана

Сегодня ночью прошёл проливной дождь и очистил воздух от пепла. Наша небольшая группа биовулканологов смогла наконец выйти на маршрут. Нас было трое: Вианор, Электра и я. Мы шли по окраине леса, погибшего в пирокластическом потоке. Обугленные и ободранные стволы деревьев ещё дымились в низине. Прежде живописный ландшафт превратился в каменистую пустыню. «Да, жизнь разрушена, но где-то под ногами она, может быть, сейчас зарождается», — думал я.

Через три часа мы оказались у подножия нового вулкана — побочного и пока безымянного. Вулкан непрерывно рокотал. Лава, вылетая из его конуса, в воздухе распадалась на фрагменты — бомбочки, эти сгустки планетарной крови. Правее вулкана, как мираж, висел оранжевый диск солнца. Наши тени, несоразмерно длинные, со странными горбами, ложились вдоль склона.

Мы решили взять пробы ещё горячих обломков пород и достали из рюкзаков инструменты. Вианор в целях безопасности наблюдал за воздухом, а я отбивал кусочки от найденных раскалённых бомбочек в воронках и переносил в стерильные капсулы.

Вскоре извержение усилилось, и мы повернули в лагерь. Шли через долину, усеянную фумаролами, из которых струился сернистый газ. На северо-западе в дымке виднелся белоснежный купол основного вулкана. Мои спутники своевременно надели маски, я же успел надышаться и почувствовал недомогание. Голова немного кружилась, в памяти

возникли воспоминания юности — наш двор, старые друзья, учителя...

В студенческие годы и после распределения мне довелось жить в новом микрорайоне, построенном на окраине рядом с овощной базой. Моя однокомнатная квартира была на третьем этаже панельного дома, который почти соприкасался углом с соседней пятиэтажкой. Такие, похожие на сундуки, дома с плоскими крышами строили тогда по всей стране.

В один из сентябрьских вечеров я сидел дома над рабочей тетрадью и обдумывал план научной статьи. За окном полыхал закат. Я вышел на балкон подышать свежим воздухом и посмотрел вниз.

Из узкого прохода между домами возник Елагин и направился к подъезду. Он нёс кожаный портфель, который почти касался земли. От рождения Елагин был карликом. Ребята во дворе никогда не смеялись над ним, только серьёзно смотрели ему вслед. Я часто заглядывал в букинистический магазин, где он работал. Елагин сидел в глубине помещения, окружённый внушительными стопками книг. Высокие, с лепниной своды смыкали ряды полок: там тесными шеренгами стояли фолианты. В этой обстановке он был похож на сказочного гнома. Однажды, ещё будучи подростком, я зашёл к нему домой и с удивлением обнаружил в прихожей на тумбочке череп человека. Меня охватило оцепенение. Я сглотнул слюну и, не промолвив ни слова, вышел за дверь. До сих пор не могу понять, почему это так напугало меня. Через пять лет, изучая анатомию на первом курсе медицинского, я спокойно брал в руки анатомические препараты черепа.

Я поведал об этом случае моему другу Илье, соседу по подъезду, когда мы решили в один из тихих вечеров потряхнуть стариной — сыграть пару партий в шахматы. В ту пору уже не существовало нашего любимого места — дощатого стола во дворе у раскидистой ивы, и мы сели на лавочку под бетонный козырёк подъезда.

Илья слушал внимательно, потом, с силой выдавливая звук «м», изрёк:

— А м-может, этот череп — напоминание о неизбежности смерти, «memento mori»?

— Для каждого гостя? Представляю...

— А сам он работает со старыми книгами, в которых оцифрованы страсти предков, — продолжил Илья свою мысль.

В детстве он заикался сильнее и стыдился своего дефекта речи. Прошли годы, и Илья стал вполне зрелым молодым человеком. Исчезли ямочки на когда-то пухлых щеках. Он успел окончить техникум и уже работал — ждал посетителей у прилавка своего киоска.



После игры мы пожали друг другу руки, и Илья скрылся в тёмном проёме подъезда. Это была наша последняя встреча.

В 90-е годы на месте овощной базы, сразу за нашим домом, появился рынок. Мать Ильи открыла там киоск. Раньше она работала на базе, поэтому смогла приватизировать небольшую торговую площадку. Но на это место нашлись завистники.

Сын помогал матери торговать. Когда не было покупателей, он, пользуясь свободной минутой, сидел над шахматными фигурами и придумывал новые комбинации.

В то роковое утро он подменил мать, но шахматы забыл и решил вернуться. Илья поднялся в свою квартиру на втором этаже. Неожиданно раздался звонок. Мать выскочила в прихожую и приоткрыла дверь, в тот же миг на дверную цепочку обрушился удар топора. Илья шагнул вперёд, заслонив собою мать, но её это не спасло — через мгновение всё было кончено. Из пластиковой бутылки змейкой полился бензин, в комнату влетела горящая спичка, металлическая дверь закрылась.

Узнав от соседей о трагедии, я вышел из дома и сел в троллейбус. Стоя у окна на задней площадке, смотрел на удаляющихся людей. Рядом со мной притулился паренёк в засаленной рубашке. Он держал наполненный жидкостью целлофановый пакет, иногда раскрывал его и ноздрями жадно втягивал пары. Паренёк смотрел отрешённо, как будто внутрь себя. Никто из пассажиров не обращал на него внимания.

Я доехал до конечной остановки, до квартала Ле Корбюзье, и превратился в прохожего.

Был май. На деревьях давно появились листья. Воздух наполнил аромат цветущей черёмухи. Люди радовались пробуждению жизни. Веселясь, играли дети.

Передо мной по аллее шла молодая пара, и, когда они миновали одинокое дерево с корявыми голыми ветвями, я услышал обрывок разговора.

— Дерево погубло, — отметил мужчина очевидное.

— Может, ещё оживёт, — промолвила женщина.

— У тебя всё оживает, — пробормотал он.

— А ты так сразу хоронить, — сказала она с усмешкой.

Я остановился, в раздумье посмотрел им вслед: она была одета в светлое, он — в тёмное.

В тот год я решил стать медико-биологом, чтобы изучать факторы роста. Хотелось понять, почему растут организмы, как использовать научные знания, чтобы помочь больному восстановить здоровье. Не исключено, что подсознательно на мой выбор повлияло знакомство с Елагиным и Ильёй...

«Что мы знаем о нематериальном?» — как-то раз глубоко-мысленно изрекла сокурсница Электра.

Мне повезло с наставниками. Многие были учителями с большой буквы. От известного академика я узнал, что в период войны один профессор придумал рецепт заживляющей мази для лечения раненых. Мазь делали на мясокомбинате из эмбрионов крупного рогатого скота. Огромный гомогенизатор перемешивал эмбрионы, превращая в глинистую



массу с сильным морфогенетическим полем. В сибирских эвакогоспиталях эту массу накладывали на изувеченные тела, и зародышевая плазма вращалась в ткани, вызывая быструю регенерацию. Я настолько был поражён услышанным, что однажды увидел сон, в котором эта плазма наполняла дымящиеся после обстрелов окопы, активировала выжившие гены. Скелеты обрастали мышцами и венами, а по телам солдат судорогой проходили волны, возрождая жизнь, воскрешая облик.

После лекций я обычно шёл в библиотеку, читал Мечников и Опарина, штудировал труды Пригожина по синергетике. Потом до ночи пропадал в институте, где мой наставник, профессор Богданов, работал над культивированием стволовых клеток человека. Но клетки не развивались без факторов роста, которых много в тканях эмбрионов и их крови. И тогда профессор предложил ученикам собрать кровь из пуповины новорождённых. Мы с однокурсницей Электрой вызвались пойти на очередное ночное дежурство.

Поздним вечером мы облачились в халаты и прошли в одну из родильных палат акушерской клиники. В ожидании роженицы присели на свободную кушетку, огляделись. Напротив стояла кровать для родовспоможения. Холодный свет люминесцентных ламп отражался в голубом кафеле стен. Время шло. Я держал на коленях штатив с пробирками для крови. Чтобы развлечь Электру, рассказал притчу про старого диггера, который, спустившись под землю, искал кристаллические друзья молодых отростков нарождающейся жизни. Друзья содержали факторы роста и поэтому обладали большим жизненным потенциалом, сравнимым лишь с силой живой и мёртвой воды.

После полуночи в палату привезли роженицу. Воды отошли, и женщина кричала от схваток. Внезапно раздался другой, новый голос только что родившегося младенца. Для меня это было откровением: «В один миг появился новый человек!». Я шагнул к роженице, но акушер движением руки остановил меня, перехватил мои пробирки и принялся наполнять их кровью из перерезанной пуповины. Я стоял покачиваясь, на лбу выступила испарина. На секунду обернулся

к Электре. Она неподвижно сидела на кушетке, её бледный, как на греческом барельефе, профиль запечатлелся в моей памяти.

Близился рассвет, когда мы вышли из ворот клиники. Для получения сыворотки нужно было на центрифуге осадить сгустки крови, и мы направились в лабораторию кратчайшим путём — через безлюдный городской парк. Мягкое сияние полной луны озаряло тропинку и молодую листву на деревьях. Ветви отбрасывали причудливые ажурные тени, словно это было невероятно долгое солнечное затмение. Вдалеке над лакированными кронами тополей нелепо прорисовывался силуэт чёртова колеса. Я был в смятении. Какой из двух миров реальный? Там, в клинике, где мы только что были свидетелями рождения нового человека, или здесь, в парке?

Неожиданно Электра спросила:

- А ты читал новеллу Мопассана «Лунный свет»?
- Нет, не читал, — сконфуженно пролепетал я. — А что?
- Да так... — хмыкнула Электра.

Мы пересекли парк и вышли на улицу. Мрачные дома с тёмными окнами нависали над нами. Мы шли молча в полной тени этого огромного коридора. Незаметно над нашими головами начало серебриться небо.

Вскоре испарения из нашатырных фумаролов вернули меня к действительности. Мы подошли к лавовому потоку, кое-где в его трещинах виднелось ярко-красное свечение. Рядом с потоком грелась стайка птиц. Чуть дальше, в нескольких метрах, булькала в мелких углублениях сизая глина.

Настали сумерки, и мы, уставшие, наконец добрались до палатки. Развели костёр. Вианор накинул на плечи Электры лиловый плед. Они присели у огня, устремив на него взор. Я притулился поодаль, и вновь нахлынули воспоминания.

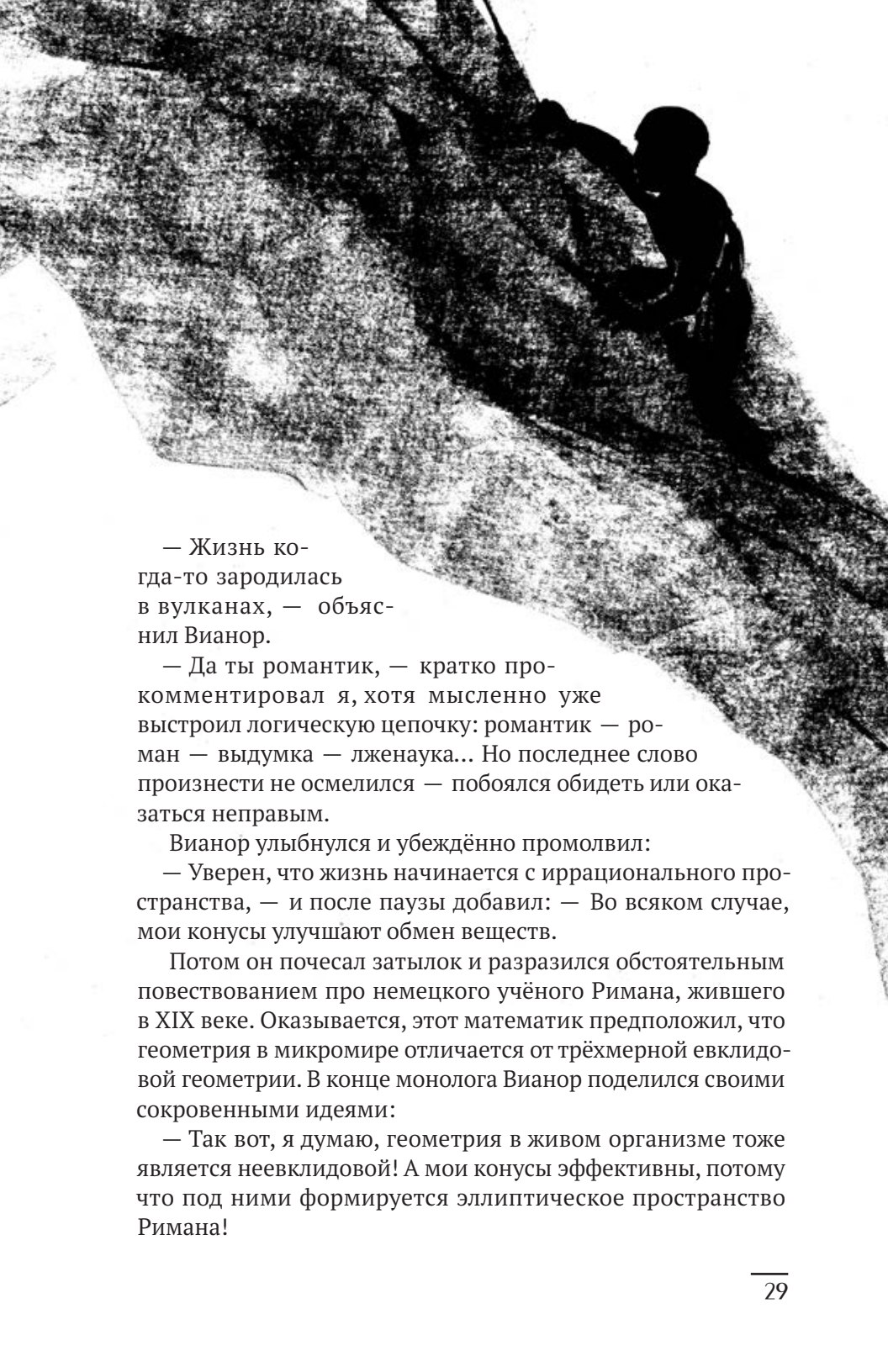
После учёбы в университете я устроился в институт морфогенеза. Как-то раз коллеги из Н-ска задумали проверить противораковые свойства эмбриональной ткани и предложили мне сотрудничество. Начали с куриных эмбрионов. Я поехал на птицефабрику, купил в инкубаторе сотню



оплодотворённых яиц, привёз в лабораторию. Электра быстро вскрывала скорлупу, пинцетом ловко извлекала эмбрионы. Я же делал работу медленно, размышляя, почему из яйца выходит птица, которая снова откладывает яйца. За полученный препарат нам хорошо заплатили.

Позже я случайно узнал, что коллеги из Н-ска продавали его большим раком. Осерчав, мы решили больше не подвергать себя искушениям. Электра переехала на химический факультет. Я упал духом и крепко напился...

Меня поддержал Вианор из соседней лаборатории, когда я почти совсем прекратил исследования. Мой товарищ зарабатывал энергетические конусы. Он создавал их из разных материалов, содержащих, кроме прочего, вулканическую пемзу.



— Жизнь когда-то зародилась в вулканах, — объяснил Вианор.

— Да ты романтик, — кратко прокомментировал я, хотя мысленно уже выстроил логическую цепочку: романтик — роман — выдумка — лженаука... Но последнее слово произнести не осмелился — побоялся обидеть или оказаться неправым.

Вианор улыбнулся и убеждённо промолвил:

— Уверен, что жизнь начинается с иррационального пространства, — и после паузы добавил: — Во всяком случае, мои конусы улучшают обмен веществ.

Потом он почесал затылок и разразился обстоятельным повествованием про немецкого учёного Римана, жившего в XIX веке. Оказывается, этот математик предположил, что геометрия в микромире отличается от трёхмерной евклидовой геометрии. В конце монолога Вианор поделился своими сокровенными идеями:

— Так вот, я думаю, геометрия в живом организме тоже является неевклидовой! А мои конусы эффективны, потому что под ними формируется эллиптическое пространство Римана!

Огромный конус висел у него над кроватью. «Вот такие бы да на совхозные поля», — шутили коллеги.

Мы начали работать вместе и как-то раз поместили стволовые клетки с эмбриональным экстрактом под один из конусов. В эксперименте обнаружили, что в чашке Петри образуются зародыши новой жизни, но их рост останавливался после первых же делений.

Вианор собрался на вулкан искать природный материал для улучшения своих конусов.

Я же подумал: «Почему каждый раз для продолжения жизни нужно брать факторы роста у других? Неужели нет иного способа?» В научной литературе я нашёл, что жизнь на Земле могла зародиться в фуллереновых кристаллических трубках, и упросил Вианора взять меня в экспедицию. К нам присоединилась Электра. Так мы все вместе и оказались здесь.

На следующий день вулкан притих, и мы поднялись к кратеру. На вершине дул сильный ветер. Я осторожно приблизился к краю и заглянул вниз. Голова немного закружилась — с детства боялся высоты. Дно было завалено глыбами застывшей лавы, от стен кратера поднимались струйки желтоватого газа. Расстояние от края до дна — как с балкона третьего этажа. Вспомнил, как в нашем дворе, в доме напротив родители заперли в квартире провинившуюся дочь и ушли на работу. Девочка училась в параллельном восьмом классе. Цепляясь за перила балконов, она бесстрашно спускалась с этажа на этаж...

Я надел маску и термозащитный комбинезон. Прикрепив страховочный трос, начал медленно погружаться в жерло, в это тёмное пекло. Инстинктивно поднял взор и увидел большую птицу, кружащую над кратером. Солнце в зените светило слепо. Было жарко, но жар исходил не от него. Он шёл из глубин Земли, из её чрева.

Я продолжал спускаться всё ниже. Наконец достиг почти самого дна, где в расщелинах ещё клокотала лава, и с трудом взял несколько образцов.

Вечером мы вновь собрались в лагере у костра.

После ужина ребята исчезли в палатке. Я посматривал в сторону нового вулкана — не проснётся ли вновь, ведь кто-то же должен бодрствовать, быть на страже.

Взошла луна. Заснеженный купол вулкана-прародителя искрился бирюзой. Длинное облако из вулканических испарений мерцало в долине. Я был взволнован и потрясён увиденным. Потом улыбнулся от простой мысли, что в поисках научной истины оказался на месте того аббата из новеллы Мопассана.

Я открыл рабочий блокнот и сделал записи наблюдений. В конце добавил памятку: «Хочу назвать новый кратер именем Римана».



ИГОРЬ ЩЕПЁТКИН родился в 1962 году в г. Новосибирске. Обучался в Томском медицинском институте (1980–1985) по специальности биофизика. Работал в НИИ онкологии (г. Томск). С 2004 года и по настоящее время работает научным сотрудником Университета штата Монтана, США. Доктор медицинских наук. Автор более 150 научных статей в области медицины.

Его перу принадлежат рассказы и автобиографическая проза (опубликованы в журналах «Союз писателей», книжной серии «Отражение. XXI век»). Член Союза писателей Северной Америки (2022).

Игорь Щепёткин начал писать прозу не так давно, но более двенадцати его рассказов уже опубликованы в журналах России и США. Автор, доктор медицинских наук, книголюб, путешественник, отец троих выросших детей, два десятилетия живёт в штате Монтана. А родина писателя — Сибирь. Именно там вышла его первая книга «Под куполом Римана», ставшая призёром на конкурсе «Книга года: Сибирь — Евразия» (2021).

Тематику прозы Игоря определить непросто. Колер её — не чёрно-белый. Лирический герой всегда в балансе: сомнений, попыток найти выход, который не противоречит главной ценности, имя которой — человечность.

Память автора сохранила и очень точно передала реалии сибирского детства и юности. А нравственная позиция отчётливо видна в поздних рассказах.

Мистика здесь — совмещение времени и чувства. Связь времён не распалась, а совместилась в сознании человека. То юмором. То драмой. Но всегда глубина. И неизменно по прочтению остаётся свет. Вот что главное.

Можно назвать это «книгой не для всех» — слишком многое идёт на полутонах, оттенках, реминисценциях. Может быть, она для тех, кто умеет быть в резонансе.

Сборник рассказов иллюстрирован талантливой израильской художницей Лилией Гойцман.

Ольга Блинова,

член Союза писателей России, Россия

ISBN 978-1-960533-21-0



9 781960 533210

